

АЛЕКСАНДР КУРТ

ЖИВОЙ МАМОНТ

РАССКАЗ

*Посвящается геологу
Виталию Хисамутдинову*

Вторые сутки я и мой попутчик Жора Вяткин, жилистый сутуловатый мужик лет сорока, ожидали погоду в экспедиционной “заезжке”. Это типичное строение, обязательное для любой геологической конторы, с низким потолком, небольшим оконцем, печуркой и сплошными нарами вдоль свободных стен, располагалось на отшибе леспромхозовского посёлка рядом с вертолётной площадкой. Наш борт, вертолёт МИ-8, был давно загружен и одиноко мок невдалеке, опустив все свои винты чуть ли не до земли. На юге, прямо за ним, начинались отроги Саянских гор, невидимые сейчас из-за затяжного дождя.

В этом году, там, на высоких гольцах, организовывалась поисковая партия под редкоземельные пегматиты. Я летел туда впервые, а Вяткин сопровождал груз. За двое суток мы быстро сошлись, нашли кучу общих знакомых, пересказали все новости, о которых слышали или которым были свидетелями. Сам Жора был широко известен в “бичёвской” среде, этих работяг со сложной биографией, мигрирующих по обширным северно-восточным территориям от сезона к сезону, от одного геологического начальника к другому. Он слыл хорошим конюхом, но прославился своими неординарными поступками и приколами. Не раз мне рассказывали о его причудах. Самую

КУРТ Александр — геолог, с 1970-х работал в полевых партиях в разных труднодоступных уголках Советского Союза от Кольского полуострова до Камчатки. Начинал трудовую деятельность помощником бурового мастера, мастером 6-го разряда, старшим мастером, потом — геологом, старшим геологом, ведущим геологом, научным сотрудником, ведущим инженером, начальником геолого-информационного отдела. Ветеран труда.

ходовую байку — про въезд верхом на лошади в магазин знали даже припльные бичи с северов. Поэтому я с интересом приглядывался к этому серьёзному, степенному на вид и на редкость дружелюбному человеку. В настоящий момент Жора слегка опух после недельного “кувыркания” в посёлке, тем не менее был полностью доволен своим состоянием и текущей жизнью.

После обеда дождик стал стихать, и мы собрались, было, размять немного ноги, когда в дверях нарисовался длинный очкарик со впалой грудью. В одной руке он держал диковинный на вид клетчатый чемоданчик на молнии, другой неудобно обнимал куль спального мешка, так как у замусоленного чехла была оторвана ручка.

— Здравствуйте, мне сказали здесь можно переночевать. — Он вежливо улыбался, оглядываясь в полутёмном с улицы помещении.

— Проходи, мест много. Где понравится, там и падай, — отозвался Жора. Он перехватил у него мешок и бросил его на нары, критически осмотрел и добавил, обращаясь ко мне. — Заслуженный спальничек, сразу видно, не один бич в нём помер.

— На выбор дали, другие похуже были, — отозвался парень.

— Утиль списанный в оборот пустили. А где сейчас другой возьмёшь? Народу-то сколько на голцы отравили — тьма, — прокомментировал Жора, устраиваясь на одном из чурбанов возле массивного самодельного стола. — Как звать, куда путь держишь? — дав парню оглядеться, спросил он.

— Леонид я, журналист из Москвы, буду писать статью о геологах. Мне в конторе сказали, что завтра к ним полетит вертолёт, возможно, даже сегодня, — парень отвечал охотно и с подчёркнутым достоинством. — Вы его тоже ждёте?

— Везёт тебе, Лёня, а значит, и нам повезёт, мы с Александром заждались уже. — Вяткин усмехнулся. — Следующий борт будет только через пару недель, а этот позавчера должен был улететь. Вон стоит, тебя ждёт, — кивнул он в окно. — А ложка у тебя есть?

— Есть, — опешил корреспондент, — а что?

— Там на плите гречка с тушёной да чай, всё ещё горячее, порубай с дороги.

— Спасибо, я уже в столовой поел.

— Ну, как знаешь. Не заметил, когда из столовой шёл, магазин ещё не закрыли?

— Не обратил внимания, спешил, небо-то проясняется, — признался Леонид.

— Примета такая есть, — вздохнул Вяткин и начал споласкивать кружки. — Дождик хотя и перестал, да туман вверх ползёт, вот если бы вниз упал, то завтра точно улетели бы, — он с прищуром, как бы оценивая весомость своих слов, посмотрел в окошко, — а так неясно пока. Но если в это время путник сбрызнет по сторонам водкой, то горный дух сразу забудет про дождь.

Я с интересом слушал Вяткина, понимая, куда он клонит. Денег у нас давно не было, а Палыч строго-настрого “попросил” продавщицу не принимать от нас дефицитную тушёнку в обмен на водку. Несмотря на то, что Вяткин говорил совершенно серьёзно, парень, сверкнув очками, понимающе улыбнулся.

— Ну, если спирт сойдёт, то можно и поколдовать, — он без колебания вскрыл свой куцый чемодан и вытащил алюминиевую армейскую фляжку.

— Спирт, паря, завсегда лучше водки действует на горного духа, — Жора сразу же ополовинил флягу в черпак, предварительно зачерпнув из ведра водицы.

Целый час конюх вовсю рассказывал московскому журналисту про таёжную жизнь, про злобных по весне и добрых осенью медведей, про прыгающих сверху коварных рысей и про хитрых росомах, отпугивающих собак своим зловонием. Леонид добросовестно уточнял детали, периодически чиркал что-то в зелёный блокнотик, пока его не остановил вопрос Вяткина, задумчиво разбавлявшего остатки спирта:

— А что, Лёнь, уже и до Москвы дошло о нашей находке?

— Да, это замечательное открытие, уникальное месторождение. — Раскрасневший корреспондент начал пересказывать свою будущую статью, которую он уже, видно, заготовил. Он говорил о необходимости для промышленности тантала, рубидия и цезия, о бурном освоении этого края, о железной дороге и горном комбинате, о превращении этого посёлка в город.

— Да я не о пегматитах, — прервал его Жора, — их здесь навалом, если надо, весь Союз обеспечим, хоть танталом, хоть цезием. Ты-то в своей статье об этом как раз потише, это гостайна, сырьё стратегическое, для оборонки в основном, — многозначительно протянул он. — Подписку о неразглашении давал?

— Нет, — удивился Леонид, — никто не говорил даже, что это секретно.

— Кто тебе заранее скажет, — хмыкнул Вяткин, — на месте и скажут, и подписку возьмут. У нас там дармоедов этих больше, чем бичей.

— А как же писать тогда, если подписку возьмут?

— Будешь писать эзоповым языком, слышал, наверное, о нём, из Греции он. Так говоришь, тебя из Академии наук прислали?

— Нет, я из молодёжного журнала.

— А-а, — разочарованно протянул Жора, — значит, и это засекретили, — он выделил голосом слово “это”. — Вон на Колыме откопали в мерзлоте мамонтёнка, так на весь мир прогремело, какой он целый да какой он хороший. А у нас вторую неделю как мамонт живёт, и тишина. Засекретили, паразиты.

Жора крепко и с чувством выругался, а я поперхнулся своим спиртом.

— Извините. — Леонид начал протирать очки. Он уже опьянел, но здравый смысл сидел в нём прочно. — Что значит — мамонт живёт? Живой мамонт?

— Обыкновенно, живой, — пожал плечами Вяткин, — только худой очень, боимся, сдохнет, не дождётся академиков. Тут ещё погода нелётная, пол-лета можно проторчать в этих хоромах, а другой дороги на гольцы нет.

— Ну-ну, — корреспондент нацепил очки, — с горным духом всё понятно, а про живого мамонта рассказывайте кому-нибудь другому.

— А чё рассказывать. — Зевая, Вяткин полез на нары. — Завтра прилетим, руками пощупать сможешь. — И добавил уже сонным голосом: — Только он вонючий, этот мамонт.

Наступила тишина, мы тоже стали укладываться.

— И откуда он у вас взялся, тоже из вечной мерзлоты откопали? — съехидничал корреспондент, ему не спалось, и он решил ещё потренироваться.

— Нет, из расселины одной, — сразу оживился Жора, — как раз после майских праздников. Палыч тогда ещё два ящика водки забросил с бортом, а мы изюбря завалили, отгуляли, понятно, чин чином. А потом пахота началась — “магистралку” били на взрыв через весь участок. Вот от этих-то взрывов один ледничок с вершинки гольца и стронулся, и пополз себе еле-еле, а под ним в крутом склоне расселина метров на десять была, ледничок её, как крышкой, прикрывал. Когда геофизики профиль тянули, на неё и наткнулись. Ребята заглянули туда, а там на дне мамонт лежит, как будто спит, весь заиндевевший. Понятно, Палыч радиogramму в Иркутск, а оттуда ответ: ждите, из Москвы вылетает комиссия от Академии наук, и велели организовать круглосуточную охрану. За неделю ледник совсем сошёл, и мамонт под весенним ветерком начал оттаивать. А тут ещё взрывы бум да бум каждый день, ну, и разбудили мамонта, когда он совсем отогрелся на солнышке. В спячке видно, как медведь, был, да ещё закупоренный под ледником, да на высоте, где не воздух, а благодать Божья, вот и сохранился в невредимости. Начал реветь, буяннить, оголодал за столько лет, а выйти не может. Мы стали ему туда всё подряд бросать — ветки кедрача, мох, за травой вниз спускаться начали, работу всю забросили, лишь бы не сдох. Сейчас Палыч с боем, через Иркутск, у леспромхоза немного сена и овса выбил, в начале лета это большой дефицит, да вот погода подкачала. — Вяткин протяжно зевнул. — Привезём завтра сено, а он того уже, копыта кверху, придётся обратно сено везти. Да что гадать, завтра прилетим, увидим.

Не зря был выпит вчера весь корреспондентский спирт, духи гор смилостивились и подарили нам ясное утро. Вскоре подъехала полуторка с экипажем вертолѐта и нашим начальником. Пока лѐтчики возились со своим хозяйством, мы уже сидели среди ящиков и мешков, устроившись, кто как мог, так как, кроме обычного экспедиционного барахла, борт был забит под завязку аккуратными кубиками спрессованного сена.

— Один лишний, — сказал усатый лѐтчик Палычу, — или сбрасывай четыре тюка сена.

— Вылезай! — ткнул Палыч пальцем в корреспондента. — У меня без сена Мамонт ноги протянет, а на Велосипеде много не наездишь.

— Мне надо обязательно лететь, я из Москвы уже полмесяца добираюсь. У меня командировка кончается! Это моё первое задание! — Леонид нешуточно раскраснелся, но с места не двинулся.

— Через пару дней комиссию к нам чѐрт несѐт, с ними и прилетишь. Погода наладилась, а борт им всегда подадут, — доброжелательно обратился обычно немногословный Палыч. Видно, ему не очень хотелось ссаживать съѐжившего корреспондента.

— Давай, давай, — ласково хлопнул его по плечу Вяткин, — видишь, мамонт важней, чем ты. Если он сдохнет, а академики прилетят, то нехорошо получится. Палыча могут под суд отдать, да и нас по головке не погладят. А так ты статью о живом мамонте напишешь, тебе сенсация, а нам премию подкинут, а, Палыч? — Вяткин очень серьёзно посмотрел на начальника. Тот всё понял, сплюнул и отвернулся.

— Володь! — Жора сразу же обратился к лѐтчику, который терпеливо слушал перепалку. — Согласись, что для мамонта этих харчей на два-три дня, а потом тебе опять придётся борт гнать за сеном, пока эти академики доберутся до нас.

У летуна под усами заиграла понимающая улыбка, он неопределѐнно махнул рукой, словно отгоняя овода, и осмотрел Леонида, как бы взвешивая в уме его щуплую фигуру. А журналист, набьчившись, переживал страшную бурю в душе — солидные и авторитетные для него люди вполне серьёзно обсуждают проблему транспортировки сена для мамонта и встречу комиссии из Академии. А с ними, уж точно, припрѐтся куча мастистых журналистов, и если его сейчас ссадят с вертолѐта, то кому тогда будет нужна его статья о живом мамонте! Вот если бы первым написать, то его статью перепечатают во всѐм мире, и автором сенсации будет он, Леонид Мамулин.

Наконец, сделавшись совсем красным, он выпалил, обращаясь к лѐтчику:

— Я месяц назад с парашютом прыгал, удостоверение и значок дали, — и ткнул себя в грудь, где действительно был значок, незаметный сразу на пѐстрой рубашке.

— Ладно, раз летун, значит, наш человек, беру под свою ответственность — Володя решил проявить щедрость души, — только уговор: в случае чего ты выпрыгиваешь первым, — подмигнул он враз повеселевшему корреспонденту и полез к себе в кабину. Вообще-то вертолѐтчики не упускают случая установить статус-кво по отношению ко всем, у кого не было голубых фуражек.

Взлетели, однако, легко. Палыч начал перебирать свои бумаги, Леонид сразу же прильнул к иллюминатору, а Вяткин стал моститься, чтобы подремать. Я наклонился к нему и сквозь шум спросил: — Что, Жор, Велосипед ваш на заднюю ногу хромает?

— На заднюю левую, в прошлом году отшибло, а так хороший лошак был, он её так задирает, будто педаль крутит.

— Понятно, ну, а Мамонт почему, лохматый, что ли?

— Здоровый просто мерин, порода есть такая тяжеловозов. Я всю жизнь с лошадьми вожусь, а такого бугая первый раз встретил. С запада откуда-то к нам попал. Не мерин, а сущий мамонт.

Я тоже пристроился среди мешков с овсом и под гул мотора и лѐгкую вибрацию задремал.